

Ши Гуан был грубо брошен на землю исполнителем роли Фань Яня. Поднявшееся облако песка и пыли забило ему глаза и рот. С трудом выплюнув грязь, он почувствовал, как глаза предательски защипало, а в уголках выступила краснота. Перенесенные за время пути издевательства Фань Яня внушили Ху Фэйбаю такой ужас, что даже упав лицом в грязь, он первым делом, словно в припадке, вскинулся и поспешно отполз в сторону, лишь бы не преграждать путь Фань Яню и не схлопотать еще один пинок.

— Снято!

Цзэн Цзяньсю нахмурился: И Тяньхуа, добавь эмоций и движения, не стой как истукан! Посмотри, как играет Ши Гуан!

Чжао Тао поднялся с земли и с бесстрастным лицом посмотрел на Ши Гуана. Тот лишь слегка улыбнулся и кивнул. Он не хотел выглядеть ни слишком вызывающе, ни излишне застенчиво — выражение его лица оставалось ровным, даже слегка сдержанным. Взгляд Чжао Тао стал тяжелее, он отвернулся к режиссеру, но в глубине его глаз все еще сквозила затаенная досада.

Цзэн Цзяньсю был человеком занятым и не собирался тратить время на разборки с настроением актеров второго плана. Перекинувшись парой слов с помощником, он взмахнул газетой:

— Так, все отделы, приготовиться!

Ху Фэйбай снова тяжело рухнул на землю. Тупая боль заставила его вскрикнуть, но он тут же зажал рот, словно спохватившись. Стараясь не обращать внимания на боль, он отполз в сторону, испуганно глядя на широко шагающего Фань Яня. Его темные зрачки казались полными тревоги, но в глубине таилось нечто иное — негодование, ярость. Этот крошечный огонек даже в такой безнадежной ситуации придавал ему небывалую жизненную силу. Семя, раздавленное тяжелым камнем, не погибнет: рано или поздно, даже если ему придется изгибаться, оно прорастет сквозь скалу.

— Снято!

Лицо Цзэн Цзяньсю помрачнело: Ши Гуан, иди отдохни. И Тяньхуа, эту сцену переснимем отдельно.

Чжао Тао сразу потемнел лицом.

Цзэн Цзяньсю, словно не замечая этого, бросил: И Тяньхуа, подойди, посмотри на игру Ши Гуана, попробуй поймать это ощущение.

Ши Гуан приподнял брови, ему стало любопытно, как он выглядит в объективе Цзэн Цзяньсю, и он подошел к монитору.

На маленьком экране реальность и вымысел разделились на два разных мира. Хотя оба персонажа лежали на земле, разница была очевидна. Один выглядел как побитая дворняга, другой же, несмотря на чумазое лицо и жалкий вид, не уронил достоинства ученика Шанчуань — величайшей школы праведного пути. Он был подобен сломанному мечу: как бы грязен он ни был, внутри он оставался острым и твердым, сохраняя гордый дух.

При такой разительной разнице не мудрено, что Цзэн Цзяньсю то и дело останавливал съемку.

Понял? — спросил режиссер у Чжао Тао. — Вот это то самое ощущение, которое мне нужно. Запомни: хотя И Тяньхуа — главный злодей, прежде всего он ученик Шанчуань. Ученики величайшей школы мира горды, уверены в себе, они смотрят на всех свысока и обладают безупречной репутацией. Даже если И Тяньхуа в конце концов предаст Шанчуань, это произойдет под давлением желаний и обстоятельств, но корни Шанчуань глубоко сидят в его душе. Понял?

Чжао Тао опустил взгляд и кивнул: Понял.

Когда Чжао Тао отошел, Цзэн Цзяньсю посмотрел на Ши Гуана и одобрительно кивнул: Неплохо, даже лучше, чем я ожидал.

Ши Гуан смущенно улыбнулся.

На самом деле, для студента театрального вуза его игра была выдающейся, и в глазах Цзэн Цзяньсю он стал настоящим открытием.

Наконец, в следующем дубле Чжао Тао нашел верное попадание в образ И Тяньхуа, и сцену сняли с одного раза. Спускаясь, он бросил на Ши Гуана вызывающий взгляд.

Ши Гуан спокойно отвел глаза, решив не обращать внимания. Он искренне не понимал, чем тут хвастаться.

Перерыв длился всего пять минут, и началась следующая сцена.

Фань Янь переоценил свои силы. Раненый, измотанный ночной погоней и скачками настроения от отчаяния к эйфории, он наконец выдал свою слабость. В тот же миг, как он осознал свою уязвимость, он решил убить И Тяньхуа и Ху Фэйбая, но те среагировали молниеносно. Поняв, что появился шанс на побег, они одновременно использовали защитные талисманы, припасенные для каждого внутреннего ученика Шанчуань.

Мощь талисманов была велика, а Фань Янь, проявив неосторожность, оказался ослеплен ударом молнии.

Раздался треск, и Фань Янь взвыл, схватившись за глаза.

Увидев, что атака удалась, И Тяньхуа и Ху Фэйбай выхватили мечи и бросились вперед.

Ху Фэйбай был слишком слаб в совершенствовании и легко выдал себя, из-за чего ослепший Фань Янь, ориентируясь на звук, одним ударом отшвырнул его прочь.

Но этот удар отвлек внимание Фань Яня, и И Тяньхуа, подобно затаившейся гадюке, стремительно полоснул его ножом по горлу.

Фань Янь был для него как нож у горла, как злой дух в сердце. Почти с жестокостью он нанес еще множество ударов, пока жизнь не покинула тело врага. Лишь тогда, обессиленный, И Тяньхуа поднялся и посмотрел на лежащего без чувств Ху Фэйбая.

— Снято!

Ши Гуан, до этого игравший роль мебели, поднялся и вместе с Чжао Тао с надеждой посмотрел на режиссера. Эту сцену снимали уже пять раз, и каждый раз из-за невнятной игры Чжао Тао приходилось начинать сначала. Ши Гуан пролежал в углу целую вечность, и, поскольку приближался обед, он проголодался.

Цзэн Цзяньсю посмотрел на экран и показал большой палец: Этот дубль принят.

— Да! — Чжао Тао победно сжал кулаки и снова вызывающе глянул на Ши Гуана.

— ... — Ши Гуан недоуменно посмотрел на него. Не понимал он, чему тут радоваться, если понадобилось пять дублей.

Привезли обеды, по съемочной площадке разнесся аппетитный запах. У Ши Гуана потекли слюнки, но Цзэн Цзяньсю, едва успев сделать пару глотков, отмахнулся: Вы трое, подождите с едой, сначала снимем следующую часть.

— ... — Ши Гуан сглотнул слюну. Рис с тушеной свининой... он с утра ничего не ел, голова уже кружилась от голода! Ну режиссер Цзэн, неужели нельзя сначала покормить людей?

Цзэн Цзяньсю явно не слышал его мольбы, отмахнулся и, глядя в монитор, отправил в рот кусок жирной свинины: Занимайте позиции, все отделы, внимание, постараемся сделать с первого раза.

Ха-ха, режиссер, вы не слишком ли многого хотите? Переели свинины? Мы даже репетицию не проводили! Вы нам доверяете, а мы сами себе — нет!

— !

Убив Фань Яня, И Тяньхуа долго стоял как вкопанный. Наконец придя в себя, он бросил кинжал на землю и бросился к Ху Фэйбаю.

— Младший брат?! Младший брат!

Ху Фэйбай открыл глаза и слабо улыбнулся. Он хотел что-то сказать, но закашлялся, проглотил подступившую к горлу кровь и медленно приподнялся: Нет, я в порядке.

И Тяньхуа дал ему целебную пилюлю, а сам обыскал тело Фань Яня. Он нашел немало духовных камней и книгу с необычной обложкой, на которой было написано: Техника Праджня-Ю.

Глаза И Тяньхуа загорелись, он сжал книгу так, что побелели костяшки. Это же легендарная техника совершенствования!

— Старший брат... что это? — раздался слабый голос Ху Фэйбая. — Техника Праджня-Ю?

При звуке этих слов И Тяньхуа словно очнулся. Шанчуань всегда считалась оплотом праведности, ученики были чисты душой и творили добро. Такая школа никогда бы не позволила адептам изучать демонические искусства. Но с того момента, как он увидел книгу, он не мог отвести от нее глаз. Он хотел тренироваться, хотел овладеть величайшей техникой, хотел возвыситься над всеми. Эта мысль, однажды возникнув, глубоко пустила корни в его сознании.

В это мгновение в сердце И Тяньхуа вспыхнула яростная жажда убийства. Он резко развернулся и с молниеносной скоростью ударил Ху Фэйбая в грудь.

Ху Фэйбай легко отпрянул назад, словно недавних тяжелых ран и след простыл. Он блестящими глазами смотрел на книгу в руках И Тяньхуа и повторил: Техника Праджня-Ю...

Для обычных учеников Шанчуань эта легендарная техника была невероятной удачей. В один миг оба они затаили друг на друга злобу.

Эта техника должна принадлежать только ему!

— Ты посмел обмануть меня... — И Тяньхуа все понял, гнев захлестнул его, и он, согнув пальцы в когти, вцепился Ху Фэйбаю в горло.

Ху Фэйбай был настороже, но его уровень был слишком низок. После пары неудачных попыток увернуться, он оказался в железной хватке. Запрокинув голову, он дрожащими губами с трудом прошептал: Старший... брат, пощади, пощади меня.

И Тяньхуа, торжествуя, усмехнулся: С какой стати мне тебя щадить?

— Прошу, умоляю тебя...

— О чем умоляешь? Я не слышу! — И Тяньхуа злорадно рассмеялся и сжал горло сильнее.

Ху Фэйбай скреб пальцами по шее, над ним нависла тень смерти. Выпучив покрасневшие от нехватки воздуха глаза, он закричал: Умоляю, пощади, сохрани мне жизнь, как собаке...

Такой ответ удовлетворил И Тяньхуа. Он с хрустом вывернул Ху Фэйбаю запястья и рассмеялся: Встань на колени, встань на колени и проси, как собака.

Пальцы на горле немного ослабли. Ху Фэйбай безвольно сполз вниз и тяжело рухнул на колени. Его спина согнулась, голова опустилась, а в опущенных глазах читалась жгучая ненависть, но он заставил себя произнести: Прошу, господин.

— Снято!

Цзэн Цзяньсю наконец подал знак. Он отложил пустой контейнер с едой, долго смотрел в монитор, а затем нахмурился еще сильнее. Вдруг он поднял голову и указал на Чжао Тао: И Тяньхуа, у тебя проблемы с выражением лица. Последний кусок переснимаем.

Последний кусок? Ши Гуан задумался: это ведь сцена, где он встает на колени? Он поднял глаза на Чжао Тао и увидел, как тот пытается скрыть ухмылку.

Черт!

Вспышка гнева охватила Ши Гуана.

— !

И Тяньхуа был в секте на два года дольше, и его сила и выносливость были выше. Даже приложив все усилия, Ху Фэйбай оказался в его власти.

В тот момент, когда он попал в руки И Тяньхуа, в его душе возникла мучительная борьба. Он умрет, а он не хочет умирать. Но И Тяньхуа его не отпустит. Как выжить? Смириться и терпеть.

Все сомнения исчезли так же быстро, как появились. Ху Фэйбай покорно опустил голову: Пощади, сохрани жизнь, как собаке...

Все ради того, чтобы выжить. Только ради этого.

Негодование, ярость, зависть — все было глубоко запрятано внутри, затаилось в ожидании своего часа.

Колени тяжело ударились о землю, прямая спина согнулась, голова опустилась. В его глазах — лишь тьма, ни единого проблеска света. Все мысли скрыты. В этот момент он был лишь марионеткой, пустой оболочкой, на коленях у которой стояло лишь одно — алчное желание власти.

— Снято!

Цзэн Цзяньсю нахмурился и многозначительно посмотрел на Чжао Тао: Последнюю сцену — переснять.

Ши Гуан только поднялся с земли, отряхивая колени от пыли и соломы. Услышав это, он замер, посмотрел на режиссера, улыбнулся и вернулся на исходную позицию.

На этот раз Чжао Тао не смог сдержать эмоций — уголки его рта поползли вверх, и он косо взглянул на Ши Гуана. Хотя он быстро спрятал гримасу, режиссер все видел.

Цзэн Цзяньсю часто сталкивался с тем, что актеры подставляют друг друга на площадке. Ему это не нравилось, но обычно он закрывал глаза, если это не затягивало съемки. Но на этот раз, из-за хорошего впечатления о Ши Гуане, он разозлился: Чжао Тао, не трать время остальных! Если ты не голоден, другие хотят есть. Снимаем с одного дубля.

Чжао Тао начал извиняться, но, скосив взгляд, увидел совершенно другое выражение лица Ши Гуана. На безупречно красивом лице не было ни эмоций, ни тени страха. Длинные, прищуренные персиковые глаза похолодели, словно вечный лед. Когда их взгляды встретились, в этой ледяной глубине отразилось абсолютное высокомерие — словно король на троне, чье тело можно унижить, но чью гордость не сломить ничем. Равный взгляд вдруг превратился в снисходительное безразличие, и Чжао Тао в его глазах стал лишь жалким шутком, позорящим самого себя.

Чжао Тао ударило в голову, и его планы мгновенно изменились.

Прошло три минуты.

Цзэн Цзяньсю сорвал с себя кепку и швырнул на пол, указывая на Чжао Тао: Что происходит? Ты вообще играть умеешь? Даже такую простую сцену завалил! Тебе что, понравилось? Тебе доставляет удовольствие, когда перед тобой стоят на коленях? Ты больной, что ли? Тебя в детстве обижали? Можешь сниматься или нет? Не можешь — проваливай!

— Я не... — попытался возразить Чжао Тао.

— Режиссер Цзэн, все в порядке, — внезапно вмешался Ши Гуан с невинной улыбкой. — Это всего лишь кино. К тому же, для И Тяньхуа этот момент очень важен: отпустить или убить, поддаться ли раздутому самомнению или выбрать путь наименьшего сопротивления. Показать это за короткое время непросто. Может, не включать камеру? Дайте отдохнуть, я помогу брату Чжао прогнать сцену пару раз, и все получится.

Гнев Цзэн Цзяньсю не утих, а лишь разгорелся сильнее. Он холодно посмотрел на Чжао Тао: Ты вообще в состоянии работать? Сценарий учил? Оригинал Шанчуань читал? Знаешь, что это за человек — И Тяньхуа? Скажи.

Чжао Тао опешил: Человек с искаженной психикой.

Цзэн Цзяньсю пару секунд смотрел на него, а потом вытаращил глаза: И это всё?!

— Нет, не так, — Чжао Тао от крика растерялся и забормотал: Очень... очень крутой персонаж? Главный злодей, мастер боевых искусств.

Цзэн Цзяньсю не мог поверить своим ушам: Вот твое понимание роли?! Крутой — и всё?! Мастер боевых искусств! Еще и с искаженной психикой! Псих какой-то, да? Получается, я снимаю фильм про психа, который разнес небеса?

— Пфф! — кто-то не сдержался и прыснул.

Затем послышались смешки со всех сторон.

— Пха-ха!

— Ха-ха, ох!

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Лицо Чжао Тао залилось краской.

Оглянувшись, он увидел, что громче всех хохочет Ван Фэй. Цзэн Цзяньсю, хоть и был в ярости, не мог выместить злость на сестре продюсера, поэтому лишь свирепо уставился на Чжао Тао.

Чжао Тао смотрел на окруживших его людей, и ему хотелось плакать. В его понимании сценария И Тяньхуа был просто бешеной собакой, которая кусает всех подряд.

Ши Гуан смотрел на бледное лицо Чжао Тао с каменным выражением. Как приличный «белый лотос», он, конечно, не мог начать что-то объяснять. В такой ситуации лезть с оправданиями —

удел второсортных злодеев из дешевых романов, это слишком примитивно. Кто-то сам лезет в петлю, а он просто подыграет, сохранив невинный вид. Этого достаточно, чтобы общественное мнение встало на его сторону. Пусть в кадре он стоял на коленях, но в реальности режиссер разнес Чжао Тао в пух и прах. И дело было уже не в съемках — после такого Чжао Тао вряд ли когда-нибудь попадет в группу Цзэн Цзяньсю.

Неудивительно, что он не помнил этого Чжао Тао. Никакой глубины, лезет туда, где его не любят — разве это не верный способ угробить карьеру?

Цзэн Цзяньсю был действительно взбешен. Он по-доброму советовал Чжао Тао вовремя остановиться, но тот оказался тугодумом и начал вести себя еще наглее прямо у него на глазах, словно режиссера и не существовало.

Цзэн Цзяньсю тяжело вздохнул и махнул рукой: На сегодня всё, все идут обедать. Чжао Тао, еще раз перечитай сценарий.

Чжао Тао кивнул, забыв про еду, схватил сценарий и убежал в угол.

В отличие от него, Ши Гуан сразу окружили Ван Фэй и Сяо Юй. Ван Фэй протянула ему обед, а Сяо Юй поправила волосы и достала влажную салфетку, чтобы он вытер губы. Ши Гуан только что подставил человека, поэтому сейчас вел себя тише воды, ниже травы. Он поблагодарил их и, найдя место, уткнулся в еду.

Он не знал, насколько сильно эта сцена пробудила в женщинах материнский инстинкт. Парень, которого только что обидели, вернулся на площадку, сел в темном углу с коробкой риса, и его чумазый вид сыграл решающую роль. Этот жалкий, потерянный облик почти мгновенно тронул самые нежные струны в сердцах Ван Фэй и Сяо Юй, им хотелось прижать его к себе и утешить.

Не успел Ши Гуан сделать и трех глотков, как обе женщины сели по бокам от него. Сяо Юй наклонилась и коснулась его колена: Ты в порядке?

Ши Гуан с трудом проглотил рис и с улыбкой покачал головой.

Ван Фэй хлопала его по спине и нахмурилась, глядя в сторону Чжао Тао: Говорят, в шоу-бизнесе полно сплетен, я думала, преувеличивают, а оказывается — правда. Все пришли зарабатывать на хлеб, какая может быть вражда, чтобы так себя вести?

Сяо Юй добавила: Никакой. Просто есть люди — прирожденные психи, у которых навык «самоубийства» прокачан до максимума.

Ши Гуан улыбнулся, не зная, что ответить. Женщины сплетничали у него над ухом, и хотя речь шла о нем, вступать в разговор он не хотел. Быть «подружкой» он не стремился.

Женщины болтали, и тема плавно перетекла на интриги в офисе мужа сестры коллеги Сяо Юй. Они обсуждали это с таким воодушевлением! Ши Гуан жевал рис и размышлял. Он не был злопамятным: если его обижали, он предпочитал отвечать сразу, а не копить обиды годами. Но если это касалось его карьеры, он понимал, что нужно быть осторожным.

Пока он витал в облаках, тема разговора переключилась на социальные сети. Ши Гуан отложил контейнер, вытирая рот, и восхитился умением женщин создавать шоу из ничего. В этот момент он увидел, как Сяо Юй достала телефон, что-то поискала и передала его Ван Фэй. Увидев экран, та ахнула и вцепилась в подбородок Ши Гуана, внимательно его разглядывая.

— ? — Ши Гуан смотрел на них с полным непониманием.

<http://bllate.org/book/25613/3054543>